

СИВОХИНА П. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СИВОХИНА Прасковья Сергеевна, родилась в 1908 в Санкт-Петербурге. Окончила школу, с 1929 — работала кассиром в "Союзтрансе", с 1930 — в артели. Верующая. 22 декабря 1933 — арестована по групповому делу духовенства и мирян, 26 февраля приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Кокчетав, затем переведена в Володаровку Карагандинской области.

В июле 1934 — обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<18 июля 1934>

«В Бюро Помощи Политзаключенным.

Т<оварищу> Е. П. Пешковой

От Администр<ативно> ссыльной
Прасковьи Сергеевны Сивохиной

Заявление

Тов<арищ> Пешкова.

Обращаюсь к Вам, как к лицу, входящему в тяжелое положение просителей, скоро отзывающейся на наши нужды, помогающей разобраться в недоразумениях, и оказывающей своей помощью содействие по возможности. Осмеливаюсь и я просить Вас ходатайствовать по моему делу.

Я жительница и уроженка города Ленинграда, год рождения моего 1908, дочь служащего из крестьян Тверск<ой> губ<ернии>, работаю в Ленинграде кассиром на железной дороге в течение 29 лет. Отец мой скончался в 1929 году.

Сама я в 1929 г<оду> окончила школу 9-летку, и с 1930 г<ода> работала в Союзтрансе, а затем в Артели "Постройка". В ночь на 22 декабря 1933 г<ода> я была арестована ОГПУ по церковному делу, мне предъявили статью 58 п<ункты> 10-11, подразделения были — контрреволюционная монархическая церковь, антисоветская агитация.

На допросе у следователя я была два раза.

Первый раз он записал мою биографию, а второй раз был допрос, где он спрашивал меня о лицах духовных и не духовных, находящихся в церкви Успения на Вас<ильевском> острове, Ленинград.

Он расспрашивал меня о лицах бывшей "двадцатки", исключенных церковным столом, к которым я никакого отношения не имела и знакома не была.

Во вновь организованную "двадцатку" по предложению организатора я вступила в 1932 г<оду>, из которой, ввиду постоянных недоразумений и раздоров, я вышла через два месяца.

Вступая в "двадцатку", я знала, что это организация законная, и что каждый вновь вступающий в нее проходит через ОГПУ, и что это не может служить мне обвинением в незаконности.

Затем следователь задал мне вопрос, почему я принадлежу к церкви "Тихоновской", а не к обновленческой, на что я ответила ему, что ходила в церковь, привлекавшую меня своей живописью, и которая была "Тихоновской", не придавая этому никакого значения.

Тихоновская церковь существует легально, и потому принадлежность к ней не может считаться преступлением.

После допроса следователь сказал мне, что предъявленное обвинение меня не коснулось, т<ак> к<ак> ничем не подтвердилось.

На мой вопрос, "почему же я арестована?", он ничего не ответил и пожал плечами.

Под арестом я пробыла до 26 февраля 1934 г<ода>, т<о> е<сть> 67 дней, когда была вызвана, и мне было прочитано постановление тройки, по которому я из-под ареста освобождалась, но по статье 58 п<ункт> 10 мне было предложено в семидневный срок выехать из Ленинграда в Казахстан, гор<од> Кокчетав на три года.

Повинуясь предписанию ОГПУ, я 8-го марта с<его> г<ода> выехала за свой счет на место ссылки, где находилась три месяца, и 20-го июня с<его> г<ода> было назначено жительство в район за 90 километров от Кокчетава, где я в настоящее время проживаю.

Исполнив предписание ОГПУ, я все же нахожусь в недоумении. За что? В чем дело? За то, что я ходила в церковь? Но ведь и сейчас сотни людей ходят в церковь, существуют "двадцатки", а почему я, какая-то ничтожная единица, должна страдать и нести наказание.

Все перенесенное сильно отразилось на моем и без того слабом, здоровье, т<ак> к<ак> я еще с 1931 г<ода> страдаю туберкулезом легких, вследствие чего и в Ленинграде должна была несколько раз прерывать работу, а при здешнем суровом климате, сильных ветрах, сильной жаре, зимних буранах я задыхаюсь и должна лежать в постели.

Дома в Ленинграде у меня осталась одна престарелая инвалидка мать, которая сейчас находится совершенно без всяких средств, получая пенсию 18 руб<лей>, и не только помочь мне, но и себе на кусок хлеба не в состоянии заработать.

На основании всего изложенного прошу Вас, не отказать войти в мое тяжелое положение и насколько возможно облегчить мою участь. Ведь не столько велика моя вина, что не может быть снисхождения.

Простите, что, быть может, не так умело обращаюсь к Вам и не ясно излагаю свое дело, но ведь я еще так молода и неопытна и совершенно не знаю жизни.

Прошу Вас не отказать в ходатайстве об облегчении моей участи.

Дело мое № 7734-33 г<ода>. Ордер освобождения моего из-под ареста № 307 от 25 февраля 1934 г<ода>.

Адрес мой: Караганд<инская> область, село Володаровка, Аиртавский район, улица Ленина 30.

Сивохина Прасковья Сергеевна.

18 июля 1934. С<ело> Володаровка»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1177. С. 81-82. Автограф.